

УДК 811.161.1

РЕГИОЛЕКТ БЕЛГОРОДЧИНЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ*

DIALECTICISMS AND REGIONYMS IN THE SYSTEM OF NAMES OF PLANTS OF THE BELGOROD REGION

С.А. Кошарная
S.A. Kosharnaya

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: fotonija@mail.ru

Аннотация

Лингвогеографический и лингвокультурологический анализ региональной лексики, функционирующей в речи жителей Белгородчины, разграничение регионимов и диалектизмов, рассмотрение системных отношений внутри данных кластеров, выявление исконной и заимствованной лексики позволяет решать значимые вопросы региональной лингвистики, связанные с отражением в языке региона его истории, элементов материальной и духовной культуры, а также многие другие задачи, включая создание сводного «Областного словаря Белгородчины».

Abstract

The areal and linguoculturological analysis of the regional lexicon functioning in speeches of residents of the Belgorod region, and also demarcation of regional dialectal lexemes and words; the analysis the system of relations in these clusters, detection of the primordial and borrowed words allows to resolve the significant issues of regional linguistics as connected to the reflection in language of the region its history's, of elements of the material and spiritual culture and also many other tasks, including creation of the "Regional dictionary of Belgorod region".

Ключевые слова: региолект, регионим, диалект, диалектизм, украинизм, этнографизм, лингвокультурология.

Keywords: regiolect, regionym, dialect, dialecticism, ukrainianism, ethnographism, linguistic culturology.

Введение

Задача фиксации и научного описания особенностей живой народной речи остается важной задачей лингвистики. В XX в. были подробно разработаны принципы системного описания и лексикографирования говоров и опубликованы десятки диалектных словарей. В 2011 году состоялась первая Международная научная конференция «Славянская диалектная лексикография», прошедшая в Институте лингвистических исследований РАН, которая собрала более 60 ученых, работающих не только в России (Санкт-Петербурге, Москве, Костроме, Вологде, Пскове, Екатеринбурге, Омске, Перми), но в ближнем (Украине,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области, в рамках проекта проведения научных исследований (проект №16-14-31002 «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к. XX-нач. XXI вв.». Региональный конкурс «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее – 2016», Белгородская область).

Белоруссии) и дальнем зарубежье (Польше, Болгарии, Сербии, Австрии, Македонии). Всё это свидетельствует о значимости исследований в области диалектной лексикографии и собственно в деле собирания сведений для составления словарей народных говоров. В настоящее время русская диалектная лексикография располагает большим количеством словарей: сводный «Словарь русских народных говоров», работу над которым уже более полувека продолжает ИЛИ РАН (СПб); «Псковский областной словарь с историческими данными», «Архангельский областной словарь», «Словарь говоров Соликамского района Пермской области», «Словарь брянских говоров», «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь русских говоров Алтая Словарь русских говоров Среднего Урала», «Областной словарь вятских говоров», «Словарь вологодских говоров», «Ярославский областной словарь», «Новгородский областной словарь», «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии», «Иркутский областной словарь», «Словарь говоров Подмосковья», «Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры», «Словарь смоленских говоров», «Словарь орловских говоров», «Словарь русских донских говоров» и др. В целом, в последней трети XX в. выходит значительное количество словарей, представляющих русскую диалектную лексику отдельных областей (Брянской, Иркутской, Калининской, Новгородской, Новосибирской, Ярославской и др.) и целых регионов (Белоруссии, Карелии и сопредельных областей, Коми Республики, Среднего Урала и др.).

Что касается исходных позиций, то народные говоры становятся объектом внимания ученых-гуманитариев еще в первой трети XVIII в. В середине XIX в. активизируется деятельность Академии наук, Русского географического общества и Московского общества истории и древностей по сбору диалектных фактов, их систематизации и лексикографическому описанию. Позже создаются «Опыт областного великорусского словаря» И.И. Срезневского (СПб, 1852), «Дополнение к Опыт областного великорусского словаря» (1858), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (СПб, 1863), «Словарь областного архангельского наречия в его бытовании и этнографическом применении» А.О. Подвысоцкого (СПб, 1885), «Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского (СПб, 1898), «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова (Вятка, 1907), «Смоленский областной словарь» В.Н. Добровольского (Смоленск, 1914). Этой работой оказались охвачены прежде всего говоры центральной России и Русского Севера. Были определены конкретные тематические группы лексики, дававшие наибольшее количество диалектных слов.

Первым лексикологическим трудом в области русской диалектологии является монография Ф.П. Филина «Исследование о лексике русских народных говоров» (1936). Еще в ноябре 1955 г. решением II-го Всесоюзного координационного совещания при Институте языкознания АН СССР сбор материалов для диалектных словарей был объявлен одной из существенных задач русской диалектологической науки. С тех пор на материале разных тематических групп подверглась изучению лексика говоров с точки зрения ее состава, соотношения с литературным языком и другими формами национального языка, с точки зрения сферы употребления (социальной и территориальной), происхождения, изменения, развития и в других аспектах.

Сегодня остаются актуальными вопросы, касающиеся диалектного членения русского языка, статуса диалектного слова и особенностей его функционирования в живой диалектной речи, начало которому было положено трудами А.А. Шахматова, Р.И. Аванесова, Н.П. Гринковой, П.С. Кузнецова, И.А. Оссовецкого, А.Н. Соколовой, Ф.П. Сороколетова, В.П. Тимофеева и др. и продолжено в связи с расширяющейся фактологической базой диалектологии: пополнение существующего диалектного фонда материнских говоров и исследование говоров территорий позднего заселения (Л.И. Баранникова, О.П. Беляева, О.И. Блинова, Н.Н. Бражникова, О.В. Загоровская, В.А. Козырев, С.Э. Мартынова,

Н.С. Сергиева, С.К. Пожарицкая, Г.А. Турбин и др.). На диалектном материале в последние годы ставятся и решаются кардинальные проблемы лексикологии и семасиологии (работы Т.С. Коготковой, Л.Л. Касаткина, В.Д. Лютиковой, Н.В. Лабунец, Н.П. Потаповой, А.С. Уткиной и др.), в том числе – проблема тождества и отдельности слова, предусматривающая изучение таких явлений, как варьирование слова, синонимия, омонимия, антонимия и другие виды системных отношений в лексике диалектов.

Следует отметить, что еще в середине XX века была начата, но не завершена работа над «Курско-орловским словарём» (последний, 5-ый, выпуск словаря вышел в свет в 1960 г.). Именно в курско-орловскую группу говоров входят говоры Белогорья. Это особый регион, сформировавшийся на пограничье с Украиной (некогда частично входивший в Харьковскую губ.), включивший в свой состав территории бывш. Курской и Воронежской губерний и сохраняющий значительное количество архаичных языковых черт. Так, во втором десятилетии XX в. Н.Н. Дурново собирал на территории современной Белгородчины материалы для своей докторской диссертации (1918 г.), посвященной архаичным типам яканья, которые сохраняются на территории области и поныне, как и многие другие архаичные особенности (фонетические, морфологические, лексические). Тем самым научное описание живой речи Белогорья вносит свой вклад в работу составителей «Словаря русских народных говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров», пополняя имеющуюся фактическую базу современной диалектологии и нацеливая на создание сводного «Областного словаря Белгородчины», а лингвокультурологическое описание языкового материала способствует решению проблемы сохранения народной культуры и трансляции её особенностей из прошлого в настоящее и будущее.

Материал исследования

Фактический материал настоящего исследования составили данные картотеки народных говоров кафедры филологии НИУ «БелГУ», собранные в течение двух десятилетий под руководством автора работы студентами филологического (ныне – историко-филологического) факультета и обработанные автором.

Основная часть

Сегодня большинство диалектологов сходятся во мнении, что современное состояние диалектов можно определить как полудиалект. Данный термин введен Т.С. Коготковой для обозначения такой языковой структуры, «которая представляет собой сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка» [1, с.6]. Предполагается, что это состояние возникло в результате интенсивного влияния литературного языка в его разговорной форме. Таким образом, сейчас как никогда важно не просто записать, зафиксировать услышанное в речи слово, каким бы экзотическим оно ни оказалось. Самое главное – выяснить его место в системе говора [2].

Однако заметим, что эти положения более актуальны по отношению к диалектной ситуации в странах Западной Европы (Англия, Германия, Франция, Швеция и т.д.), которые характеризуются разнообразием диалектов и их особым статусом по отношению к общенациональному языку. Это сказывается на проблематике научных исследований. В XX в., вслед за классическим подходом, здесь получают развитие структурное, генеративное и коммуникативное направления диалектологии [3, с.11-14].

В то же время является немаловажным, что современные зарубежные диалектологи рассматривают диалектную речь прежде всего как концентрат повседневно-бытового восприятия и осмысления мира (такой подход можно и следует назвать лингвокультурологическим). Не случайно направление немецкой школы лингвогеографии один из ее основателей Фердинанд Вреде определял как социально-лингвистическое и

историческое. Изоглоссы рассматриваются здесь как границы интенсивности общения, связанные с границами собственно географическими, политическими и границами культурных влияний. Так, еще в середине XX века результатом комплексного изучения Рейнской области и Саксонии немецкими диалектологами, историками, фольклористами и этнографами под руководством Т. Фрингса стали фундаментальные исследования «морфологии культуры» этих областей. Последователи Т. Фрингса таким же образом изучили некоторые области Западной Германии.

В России в течение ряда лет проводилось этнолингвистическое изучение Полесья под руководством Н.И. Толстого, который еще в 1982 г. писал: «Развитие славянской диалектологической науки <...> свидетельствует о возрастающей роли и авторитете дисциплины, изучающей народные говоры, в системе филологических и ряда других гуманитарных наук (этнографии, истории, археологии)»; успехи диалектной лексикологии (семасиологии) и лингвогеографии особенно обязаны значимости «диалектно-лексических фактов и отношений для теоретической семасиологии и семантики, для внешнелингвистических (исторических, этнографических и др.) проблем и задач» [4, с.3].

В целом к важнейшим тенденциям развития диалектологии в XX в. относится ориентация на системное представление региональных разновидностей языка, системно-структурное описание уровней диалекта – фонетического, словообразовательного, морфологического, синтаксического. Особое внимание уделялось фонетике, лексике, фразеологии (работы Р.И. Аванесова, О.И. Блиновой, К.В. Горшковой, В.П. Жукова, Л.А. Ивашко, О.А. Черепановой и многих других). В работах диалектологов наблюдается стремление к глубокому и тщательному описанию разнообразных особенностей семантики и функционирования слова в народной речи (О.В. Загоровская, Т.А. Демешкина, К.И. Демидова, О.Д. Кузнецова и др.). При этом особое внимание уделяется проблемам, связанным с разграничением специфической диалектной лексики и общенародного словарного фонда, с необходимостью пополнения базы данных диалектной лексикографии, более точного установления ареала распространения, выявления формальных и семантических особенностей слов. Составители «Словаря русских народных говоров» (Н.И. Андреева-Васина, И.В. Бакланова, Л.И. Балаханова, Ю.Ф. Денисенко, Т.Н. Дорогутина, О.Д. Кузнецова, Т.Е. Лебедева и др.) видят своей задачей введение в научный оборот основного массива русской диалектной лексики, отмечая, что данный словарь имеет такое же научное значение, как и исторические словари русского языка прошлых столетий, как и полные толковые словари современного русского литературного языка, и полагают, что только тогда, когда работа над этим комплексом словарей будет завершена, русская лексика будет описана всесторонне и русская лексикология будет иметь хорошую фактическую базу.

В целом, проблематика современных исследований диалектологов широка, но вместе с тем выявляются узловые точки, объединяющие вокруг себя не только диалектологов, но и представителей смежных наук. Так, значительную часть региональной лексики составляют этнографизмы (например, белгор. *панёва, саян, хустка* ('платок') и др.), а возрастающий интерес к народной культуре предполагает создание региональных баз данных, которые могут сохранить уходящие названия реалий местного быта, что перекликается с проблематикой исследований языковой картины мира, способствуя закреплению и уточнению этнографических сведений.

Следует подчеркнуть, что в современной науке процесс нивелировки диалектов и полного вытеснения их литературным языком уже не всегда и далеко не всеми рассматривается как неизбежный, всё чаще вместо «вымирания» диалектов констатируется их изменение в диалектные единицы промежуточного характера, отмечаемые во многих современных языках (полудиалекты, региолекты). В частности, известны работы, выполненные на материале региолектов французского языка. В частности, Т.В. Хорошева в работе «Региолект как промежуточный идиом во

французском и русском языках» пишет: «В современной социалингвистике все чаще говорят не столько о «вымирании» или «распаде» территориальных диалектов, сколько о видоизменении форм пространственного варьирования языка, приводящем к появлению промежуточных идиомов» [5, с.32].

И в этой связи представляется немаловажным для отечественной лингвистики введение понятия региолекта, который трактуется нами как особый словарь региона, понимаемого как административная территориальная единица (в нашем случае речь идет о Белгородской области), поскольку сама история возникновения каждой такой территории уже детерминирует особенности языка данной местности. В частности, белгородский региолект как объединенное языковое пространство, во-первых, возник на стыке разноязычных территорий (Россия и Украина), а во-вторых, в процессе своего развития соотносим с различными административно-территориальными центрами (Харьков, Курск, Воронеж), и в силу этого отмечен разноязыковыми и междиалектными чертами, представляя собой уникальную разновидность местной речи.

Отметим, что попытки решения проблемы разграничения различных форм местной речи в отечественном языкознании уже имеют свою традицию. Так, еще в 1991 году исследователь диалектного синтаксиса, петербургский ученый В.И. Трубинский на материале словаря псковских говоров ставит вопрос о специфике региолекта [6].

Сам термин «региолект» в отечественную лингвистику введен А.С. Гердом и прежде всего находит применение в работах социалингвистов. Еще в 1998 году А.С. Герд указывал, что для диалектологической науки значимо не только описание традиционных крестьянских диалектов, но и *региолектов*, арго, профессиональных языков, жаргонов, языка городов и поселков городского типа в целом [7]. При этом ставшая уже традиционной трактовка региолекта как разновидности местного городского просторечия, отмеченного диалектными чертами, сближает данный термин с понятием полудиалекта: «региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и поселки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса» [8, с.23].

Согласно словарю лингвистических терминов, региолект трактуется как «речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия». Сравним с определением полудиалекта: «ПОЛУДИАЛЕКТ. 1. Промежуточное территориально-социальное языковое образование, возникшее в условиях взаимодействия территориальных разновидностей языка (диалектов, говоров) и разрушения структуры взаимодействующих диалектов, в результате интеграционных процессов в обществе, вызванных урбанизацией. Полудиалект используется людьми, недостаточно владеющими литературным языком. 2. То же, что интердиалект – промежуточное языковое образование, используемое как наддиалектное средство общения» [9, с.300, 269]. Как видим, грань между этими понятиями порой трудноуловима, что приводит к терминологической путанице. Как следствие, возникают трудности в разграничении *диалектизмов* и *регионимов*. Иначе последние называют *регионализмами*. Согласно тому же словарю, под регионализмами понимаются «лексемы, распространенные в определенном регионе» [10, с.300].

«Регионализм» как элемент региолекта толкуется в немногочисленных на сегодняшний день работах, где ставится вопрос о статусе данного феномена, как слово, функционирующее на определенной территории, не зафиксированное в толковых словарях литературного языка или получающее в них пометы *обл.*, *местн.*, *прост.*, *разг.* [11, с.22], однако предпринимаются попытки разграничить широкое и узкое понимание регионализмов: узкие регионализмы представлены только в данном регионе, широкие – имеют более обширный ареал распространения, то есть такая территориально ограниченная языковая единица может быть представлена в различных регионах (см., например: [12]).

И в то же время в работах авторов, разрабатывающих данную проблематику, имеется некоторое противоречие. В частности, по мнению исследователя астраханской

лексики И.С. Зварыкиной, возникновение региолекта обусловлено воздействием на диалекты социокультурных факторов: урбанизация, влияние СМИ и др. При этом автор справедливо отмечает, что «в свете всё возрастающего внимания к изучению региональных явлений (социальных, экономических, культурных) важность анализа элементов как региональной культуры, так и регионального языка является неоспоримой [13, с.31]. И вот здесь мы склонны не согласиться с трактовкой регионального субстрата как возникающего под воздействием СМИ и языка города. Причем сам автор упомянутой статьи ниже справедливо пишет: «По нашему мнению, определяющим фактором при квалификации регионализма не должен выступать фактор территориальной ограниченности; важным является то, насколько характерна та или иная реалья для данного региона, насколько активно жители региона используют этот регионализм, насколько они воспринимают ту или иную единицу как «свою», свойственную своему региону. Иными словами, регионализм должен являться частью *региональной культуры* (выделено нами – С.К.)» [14, с.34]. Таким образом, ни урбанизация, ни СМИ оказываются не столь значимы, и автор сам отказывается от этого тезиса, полагая, что региолекты могут возникать на основе нескольких диалектов; региолект функционирует на территории региона (или даже нескольких регионов) и используется всеми его жителями (без социальных, возрастных и других ограничений) в отличие от диалекта, который используется преимущественно сельскими жителями определённой местности (то есть диалект более ограничен локально и функционально). Отмечается также, что региолект может включать в свой состав иноязычную лексику, что обычно не свойственно диалекту, который исконно формировался на определённой территории.

Единственное, что здесь хочется добавить касается именно заимствований. Поскольку Белгородчина формировалась в условиях двуязычия, то, на наш взгляд, неправомерно выводить местную лексику иноязычного происхождения за рамки диалектов и региолекта. Так, например, украинское по происхождению слово *буряк* в значении «свёкла» активно функционирует в устной речи по всей территории Белгородской области, что детерминирует его статус как регионима (*регионализма* – в терминологии других авторов):

Буряк. *Буря́к* – суц., -а, муж.р., нейтр. Свёкла, столовая свёкла. /*Бураку́ навар'илал*/; /*Я буря́к шио́ н'е́ убрáлал*/; /*Бурак'и́ уш в'ырасл'ул*/; /*Мы палóл'и бурак'и́*/; /*Мно́га буракóв ныч'ел*/; /*Мно́га буракóв в ё́том го́ду*/; /*Сад'ил'и буря́к*/; /*Буря́к стáл'и с'е́ит*/ (с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.; Старооск.; с. Богородское, Новооск., 1995 г.; с. Киселевка, Новооск.; с. Великомихайловка, Новооск.; с. Графовка, Шебекин.; с. Грущевка, Волокон.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.; с. Камызино, Краснен.; с. Двучное, Валуйск.; Корочанский район, с. Пестуново, 2000 г.; с. Радьковка, Прохоров.; с. Фощеватово, Алексеев.; Краснен., с. Лесное Уколово, 1998 г.; Ивнян., 1999; с. Кукуевка, Валуйск., 2000 г.; с. Кураковка, Прохоров.). Украинизм, ср. укр. *буряк* – ‘сахарная свёкла’, ср. также:

Буряк. *Буря́к* – суц., -а, муж.р., нейтр. Свёкла. /*Выд'ил'áл'и да с'им'и́ уктáраф бур'акóф*/; /*Палóлы бур'акы́*/ (с. Шмеховое, Чернян., 1999 г.; с. Белый Колодезь, Вейдел., 2013 г.; с. Грущевка, Волокон.; Борисов.; Ровеньск.; с. Верхняя Покровка, Красногвард., 2016 г.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.; Борисов.).

Отметим также, что разграничение диалектного и регионального стратов является для нашего региона особенно актуальным, так как на нашей территории представлены черты различных говоров, что связано со спецификой населения области и историческими особенностями её формирования.

В этой связи актуальность интегративного лингвокультурологического подхода к словарю Белгородчины обусловлена не только инновационными процессами, происходящими в области современных гуманитарных наук в связи с преобладающей тенденцией к интеграции различных дисциплин и выработке новых подходов – подчас к

традиционному, казалось бы, материалу, – но и с тем, что в объективе подобного исследования оказывается значимый по величине и по культурному вкладу в развитие русского общества в целом регион, речь которого являет собой весьма неоднородное явление, что делает её еще более интересным объектом для современной диалектологии. Кроме того, в лексическом составе белгородского региолекта, диалектов и полудиалектов нашли отражение и фиксацию культурные процессы и явления этноязыкового пограничья, что значимо для современной лингвокультурологии, этнолингвистики, этнологии.

Для регионального словаря Белогорья подобный подход представляется особо актуальным и в связи с особыми условиями формирования известного диалектного континуума. Белгородские говоры занимают особое место среди говоров южновеликорусского наречия. Своеобразие белгородских говоров усиливается за счет особенностей их функционирования в системе общенародного языка.

Известно, что Белгородская земля представляет собой особый лингвокультурный феномен. В древности, около VIII века, на территории нынешней Белгородской области жили аланы (салтово-маяцкая культура). С VIII века запад Белгородчины осваивают северяне (роменско-борщёвская культура). В VIII—IX веках эта территория попала под власть Хазарии. В годы Киевской Руси она входила в состав Черниговского княжества. Монголо-татарское нашествие привело к запустению края. Затем Белгородчину начало осваивать Великое княжество Литовское. С 1500 года она находится в составе Великого княжества Московского. В 1708—1727 годах территория современной Белгородской области входила в Киевскую и Азовскую губернии. В 1727 была образована Белгородская губерния, которая просуществовала до 1779 года. Она занимала земли не только современной Белгородчины, но и территории нынешних Курской, Орловской, частично Брянской и Харьковской областей. После подписания Брестского мира с апреля 1918 по январь 1919 годов Белгородчина была составной частью Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского. На рубеже XVI—XVII веков для надёжной охраны русских владений была сооружена сплошная линия военных укреплений — Белгородская оборонительная черта, которая протянулась почти на 800 километров [15].

Не менее пестрой оказывается и современная лингвокультурная история Белгородчины. Население городов области в послевоенные годы пополнялось за счет притока жителей сельских районов, поэтому в городских населенных пунктах сформировалась особая разновидность речи, вбирающая в себя как общенародный пласт, так и диалектную специфику. В результате образовались белгородские городские полудиалекты, активно функционирующие по настоящее время, а также белгородский региолект, объединяющий языковое пространство региона и отмеченный диалектными чертами. И эта разновидность народной речи представляет не меньший интерес, чем собственно диалекты, и по сути еще ждет своего научного описания.

Кроме того, отметим, что история возникновения и развития белгородских говоров в целом неизменно детерминирует наше обращение к понятию *констрата* «как особого вида взаимодействия народов (племен) при содружественном мирном обитании на общих землях» [16, с.69].

Так, по результатам архивных разысканий, произведенных известным, ныне покойным, белгородским краеведом Н.Н. Кузюлевым, автором книги «Песни нашего края», вышедшей под общей редакцией и с предисловием автора данной статьи, «в XVII веке наш край успешно заселяется как окраина Московского государства. Одинодворцы – служилые люди – хлынули в наш край со всех концов Руси <...> Еще в конце XVII века на землях нашего нынешнего района стали селиться украинцы, спасаясь от гнета польско-литовских полков. <...> В 1658 году группа украинцев, так называемых «пашенных крестьян», поселилась возле города Нежегольска, образовав сегодняшние села Маломихайловку и Вознесеновку. Нежегольский воевода ежегодно из Разрядного приказа из Москвы получал указания о необходимости «держать бережение великое» к

поселившимся здесь черкасам (так тогда называли украинцев). Южнее города Нежегольска им были отведены непаханные земли, чтобы они царя и государство «от бусорман оберегали» [17, с.15-16].

По переписи населения от 2010 года основную долю жителей области составляют русские (94, 4%), на втором месте – украинцы (2,8%), тем не менее, в неофициальном общении население региона различает – с опорой на особенности речевой самопрезентации – так называемых «москалей» и «хохлов» (вне оценочной коннотативной составляющей данных номинаций в речи жителей региона). И здесь именно факт языковых различий оказывается ведущим, что уже повышает значимость исследования диалектного и – шире – регионального материала: особое географическое, а как следствие – лингвокультурное, положение Белгородской области (близость границы с Украиной, смешанный состав населения) обусловило наличие констратных наименований в говорах региона – не просто проникновение большого количества украинизмов в лексику белгородских диалектов, а изначальное их присутствие в связи с особенностями заселения края: лишь «к концу XVI в. в составе России появляются Орел (1566 г.), Воронеж (1586 г.), Белгород (1593 г.), Курск (1597 г.). <...> Названные процессы повлекли за собою интенсивное междиалектное взаимодействие» [18, с.207].

Вследствие перечисленного говора Белгородчины оказались в условиях широких междиалектных и межъязыковых контактов: язык жителей Белгородчины формировался в необычных условиях – при постоянной миграции различных этносов, под большим влиянием украинских (в частности, слобожанского) говоров и украинского языка в целом, о чем свидетельствуют факты народной речи:

Ведмедь. *Ведмедь* – суц., -я, муж.р., нейтр. Медведь. /Дáв'ич'и в'ид'ил'и ф'ч'ац'ин'и в'идм'éd'a//; /Тá мý в'ид'м'ид'ів нькóлы ны бáчи'лы// (с. Илех-Беньковка Краснояруж.; с. Волчья Александровка, Волокон., 1998 г.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Грущевка, Волокон.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.), украинизм;

Верба. *Верба́* – суш., -ы́, жен.р., нейтр. 1. Вёрба. /В'ербá вот / на В'ёрбнаји стáвл'у / в'ес гот в'ётк'и д'иржý// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.); 2. Любое дикорастущее дерево (ива, ветла, лоза, ракета и т.п.). /А так и лазу́ / и йву назывáим в'ербóй// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.), украинизм, ср. укр. *верба́*;

Гарбуз. 1. *Гáрбуз* и *гарбу́з* – суц., -á, муж. р., нейтр. Тыква. /у м'ан'é крúглыи *гарбузы́*//; /Кáша з *гáрбузам*// (с. Волоотово, Чернян., 1999 г.; с. Грущевка, Волокон.; Ивнян.; с. Камызино, Краснен. с. Алексеенково, Алексеев.; Ракитян.); /прын'ис з *гарóда здаравýй гарбу́з*//; /Кáшу з *гарбу́зам бúд'иши тр'эскат'!*//; /*гарбу́зы забралá*//; /Пат кравáт'ю *гарбу́зы* у з'иму// (с. Клименки, Вейдел.; Богородское, Новооск., 1995 г.; с. Николаевка, Новооск., 1996 г.; с. Лесное Уколово, Краснен., 1998 г.; с. Киселевка, Новооск.; с. Радьковка, Прохоров.; Ровеньск.; с. Верхняя Покровка, Красногвард., 2016 г.); 2. *Гарбу́з*, см. *кавун* и *каун* – суц., -а, муж.р., нейтр. Арбуз. /Сп'éлыј *гарбу́с*/ крáсный// (с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.; с. Старый Редкодуб, Алексеев.), украинизм, ср. укр. *гарбуз* – ‘тыква’;

Горобец. *Горобéц* – суц., -á, муж.р., нейтр. Воробей. /*горобéц* на дéрыв'и//; /*горобéц* / вараб'éй знáч'ит//; /Покл'ивáлы *горобци́* вс'и потсóлнух'и//; /*гарабéц* л'итáит// (с. Грущевка, Волокон.; с. Волчья Александровка, Волокон., 1998 г.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Славянка, Чернян., 1999 г.; Ровеньск.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Илех-Беньковка, Краснояруж.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.), украинизм, ср. укр. *горобчик*, *горобец* – ‘воробей’, и т.п.

Таким образом, этнический и, как следствие, языковой коллектив, проживающий на территории Белгородчины, достаточно сложен и неоднороден. Проанализировав корпус диалектных единиц, мы приходим к выводу, что речь идёт о непротиворечивом сосуществовании элементов двух языков, проявляющемся в обилии собственно лексических вариантов. Мы полагаем, что нет основания считать подобные варианты

«суржикизмами», которые, как известно, трактуются в качестве наложений на русскую или украинскую основу. Как показывает материал, здесь нет наложения, но есть именно сосуществование в виде особой региональной разновидности языка – в качестве смешанных диалектов, то есть речь не идет о заимствованиях из украинского языка, как это было бы в случае с суржиком: в белгородских говорах, граничащих с Украиной, мы имеем не одну базовую основу в виде конкретного языка, на которую накладываются элементы другой языковой системы, а две основы, взаимодействие которых повлекло возникновение особого региолекта, что, в частности, проявляется в группе региональных фитонимов: *будяк* (Борисов., Ровеньск., Старооск., Чернян.), ср. в укр. *будяк* – ‘колючая трава’; *бульба* (Шебекин.), при белорус. и укр. *бульба* – ‘картофель’; *буряк* и *буряк* (Валуйск., Волокон., Грайворон., Губкин., Краснен., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Старооск., Чернян., Шебекин., Яковлев.), ср. укр. *бурак* – ‘свекла’; *верба* (Красноярж., Старооск., Чернян.), в укр. *верба* – ‘верба’; *вильха* (Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *вильха* – ‘ольха’; *глюд* (Ракитян.), при укр. *глюд* – ‘боярышник’; *деревей* (Ракитян.), ср. в укр. *деревий* – ‘тысячелистник’; *дуля* (Прохоров.), ср. укр. *дуля* – ‘груша’; *ожина* (Красногвард., Ровеньск., Старооскольск.), в укр. *ожина* – ‘ежевика’; *очирёт* (Красногвард., Ровеньск., Чернян.), при укр. *очирёт* – ‘камыш, тростник’; *начарыца* (Чернян.), ср. укр. *печериця* в том же значении ‘гриб шампиньон’; *репях* (Борисов., Красногвард., Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *реп'ях* в том же значении ‘репейник’; *соняшник* – ‘подсолнечник’ (Чернян.), ср. укр. *соняшник* в том же значении; *шипийна/шапийна* (Новооск., Чернян.), ср. в укр. *шитшина* – ‘шиповник’; *цибуля* (Алексеев., Борисов., Валуйск., Вейделев., Грайворон., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *цибуля* – ‘лук’.

Тем не менее, региолект Белгородчины и белгородские говоры в основной своей массе опираются на русскоязычную основу, сформировались на базе старорусского языка, что подтверждают сохранившиеся старорусские формы: *добрай*, *красивай* и подоб. формы полных прилагательных муж. рода ед. ч. им.п., где окончание *-ай* являет собой рефлекс древнерусского окончания *-ой* в безударном положении; глагольные формы *иде* (без финального согласного), *идеть*, *ходить* (с древнерусской по происхождению финалью *-ть*) и др. Здесь достаточно регулярно фиксируются факты яканья, мягкого шоканья и др., остаются живыми утратившие актуальность в современном языке тенденции: переход в 1-ое склонение существительных бывшего склонения на **-й*: *цёрква*, *морква*, например: «У етам гаду *мóрква* плахая»; «У *цёркву* заутри пайду» (повсеместно по области).

Разграничение элементов народных говоров (диалектизмов), полудиалекта и регионимов между собой и по отношению к общенародному языку осуществляется нами на основании лингвокультурологического и ареального описания материала, что представляется значимым для диалектной лексикографии и лингвогеографии. Это позволяет решать задачи, нацеленные на совершенствование теоретической базы диалектной лексикографии, выработку принципов классификации и научное осмысление места той или иной лексемы с точки зрения ее статуса в системе диалектов (диалектизмы, элементы местного городского просторечия (полудиалекта), регионимы).

Таким образом, введение термина «регионим» как элемента особой единицы диалектного членения – *региолекта*, который трактуется нами как особая единица диалектного членения, объединяющая факты народной речи, функционирующие в пределах границ того или иного региона повсеместно или достаточно широко (в нашем случае – не менее половины районов области), представляется нам целесообразным. При этом мы понимаем под *регионимами* территориально ограниченные в своем распространении, но широкоупотребительные для данного конкретного региона слова с наличием в них ареальных (диалектных) черт. В нашем понимании основополагающим для региолекта является не противопоставление городской и сельской речи, а широта ареала распространения. Введение

данного термина позволит на практике – с опорой на ареальный принцип – дифференцировать диалектизмы и регионимы. В связи с этим во всяком региональном словаре могут быть вычленены 2 кластера: диалектизмы и регионимы.

Заметим, что в декабре 2015-го года была опубликована статья Е.В. Черемисиной (Курский госуниверситет) «О региолекте в современном языкознании», в которой указывается, что «филологическая регионалистика имеет большой потенциал в области изучения языка писателя, творчество которого развивается в условиях определённого региона. <...> Филологическая регионалистика как наука обязывает исследователей слова рассматривать художественный текст с краеведческим материалом» [19]. И здесь, вслед за автором работы, подчеркнем, что в Курском государственном университете с 2009 года работает научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово», которая занимается лингвистическим исследованием литературного наследия писателей курского региона и последовательно доказывает региональную самобытность авторов. Равным образом, *белгородская регионалистика* может внести определенный вклад не только в решение проблем эволюции народных говоров юга России, способствуя выявлению специфических черт белгородских диалектов и региолекта области в целом, но и в исследования особенностей художественной картины мира белгородских авторов.

Выводы

Региональный язык не является однородной языковой системой. Его основу составляет общенациональная форма языка, на которую определенное влияние оказывают диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны, социолекты, городское и сельское просторечие, контактирующие языки и др.

В общей системе русского языка белгородские диалекты, полудиалекты и региолект Белгородчины занимают особое место, они представляют интерес не только как система, представляющая собой территориально ограниченную разновидность современного национального языка, но и как фактическая база для истории языка и этимологии, поскольку в местных разновидностях сохраняются архаичные фонетические явления, утраченные общенародным языком («звенья» в цепи этимологических реконструкций, слова и значения, утерянные литературным языком в ходе его исторического развития, а также лингвокультуремы, характеризующие историческое и культурное прошлое народа, в силу чего (особенно в условиях отсутствия или недостаточности письменных свидетельств прошлых эпох) факты народной речи приобретают особое значение как источник лингвокультурологического типа, так как в народной речи отражается история местной культуры носителей говоров.

Всё это обуславливает необходимость системного лингвокультурологического анализа регионального языкового материала, с выявлением общих тенденций в функционировании говоров Белогорья, дифференциацией диалектизмов и регионимов, диалектизмов и непосредственных заимствований из украинского, бытующих на территории области.

Сохранение лексической, морфологической и фонетической архаики на территории региона делает его особенно перспективным для дальнейшей диалектологической работы и лингвокультурологических описаний речи Белгородчины, актуальных в контексте решения общей социально и исторически значимой проблемы сохранения народной культуры и трансляции её особенностей из прошлого в настоящее и будущее. Решение данных задач позволяет выявить и более глубоко и системно описать культурно-языковое своеобразие региона, определить новые векторы его дальнейшего исследования и описания.

Библиографический список

1. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). – М.: Наука, 1979. – 334 с.
2. Кондратенко М.М. Актуальные проблемы современной диалектологии Методические рекомендации. – Ярославль: ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.twirpx.com/file/1085384/> (дата обращения: 29.12.2016).
3. Anders C.A. Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. – Berlin: de Gruyter, 2010. – 466 S.
4. Толстой Н.И. Диалектология в этнолингвистической перспективе // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. – С.3-5.
5. Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32–36.
6. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 156-162.
7. Герд А. С. Славянская историческая диалектология и история регионального языка // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. – М.: Индрик, 1998. – Т. 1. – С. 78–85.
8. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 488 с.
9. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
10. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с – С. 300.
11. Кадола Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.
12. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
13. Зварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования. – 2013. – №2 (46). – С. 30-36.
14. Зварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования. – 2013. – №2 (46). – С. 30-36.
15. Энциклопедия Белгородской области [Электронный ресурс] : сайт. — [Белгород], 2015. Режим доступа: http://belogorie.info/istoriya_belgorodskoy_oblasti. (дата обращения: 29.12.2016).
16. Фёдорова М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии. – Белгород, 1996. – С.62-69.
17. Кузюлев Н.Н. Песни нашего края: Лингвофольклорная хрестоматия / Под общей редакцией доктора филологических наук С.А. Кошарной. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 180 с.
18. Судаков Г.В. История русского слова. – Вологда, 2010. – 334 с.
19. Черемисина Е.В. «О региолекте в современном языкознании» // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, 2015. – С.45-49.

Список сокращений:

Алексеев. – Алексеевский район, *Белгор.* – Белгородский район, *Борисов.* – Борисовский район, *Валуйск.* – Валуйский район, *Вейдел.* – Вейделевский район, *Волокон.* – Волоконвский район, *Грайворон.* – Грайворонский район, *Губкин.* – Губкинский округ, *Ивнян.* – Ивнянский район, *Краснен.* – Красненский район, *Красногвард.* – Красногвардейский район, *Краснояруж.* – Краснояружский район, *Новооск.* – Новооскольский район, *Прохоров.* – Прохоровский район, *Ракитян.* – Ракитянский район, *Ровеньск.* – Ровеньской район, *Старооск.* – Старооскольский округ, *Чернян.* – Чернянский район, *Шебекин.* – Шебекинский район, *Яковлев.* – Яковлевский район.

References

1. Kogotkova T.S. Russkaya dialektnaya leksikologiya (sostoyanie i perspektivy). – M.: Nauka, 1979. – 334 s.
2. Kondratenko M.M. Aktual'nye problemy sovremennoj dialektologii Metodicheskie rekomendacii. – YAroslavl': GOU VPO «YAroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo», 2010. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa <http://www.twirpx.com/file/1085384/> (data obrashcheniya: 29.12.2016).
3. Anders C.A. Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. – Berlin: de Gruyter, 2010. – 466 S.
4. Tolstoj N.I. Dialektologiya v ehtnolingvisticheskoj perspektive // Sistemnye otnosheniya v leksike severorusskikh govorov. Vologda, 1982. – S.3-5.
5. Horosheva N.V. Regiolekt kak promezhutochnyj idiom vo francuzskom i russkom yazykah // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. – Perm', 2011.– Vyp. 3 (15). – S. 32–36.
6. Trubinskij V.I. Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya // Pskovskie govory i ih okruzhenie: Mezhvuz. sb. nauch. tr. – Pskov: Pskov. gos. ped. in-t, 1991. – S. 156-162.
7. Gerd A. S. Slavyanskaya istoricheskaya dialektologiya i istoriya regional'nogo yazyka // Slovo i kul'tura. Pamyati Nikity Il'icha Tolstogo. – M.: Indrik, 1998. – T. 1. – S. 78–85.
8. Gerd A.S. Vvedenie v ehtnolingvistiku: kurs lekcij i hrestomatiya. – SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. – 488 s.
9. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. – Nazran': OOO «Piligrim», 2010. – 486 s.
10. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. – Nazran': OOO «Piligrim», 2010. – 486 s – S. 300.
11. Kadolo T.A. Regional'naya leksika kak proyavlenie polikul'turnosti // YAzyk i kul'tura. – 2011. – № 2 (14). – S. 22–28.
12. Borodina M. A. Dialekty ili regional'nye yazyki? // Voprosy yazykoznanija. – 1982. – № 5. – S. 29–38.
13. Zvarykina I.S. K voprosu o sootnoshenii dialektnogo i regional'nogo v russkom yazyke (na primere leksiki Astrahanskogo kraya) // Gumanitarnye issledovaniya. – 2013. – №2 (46). – S. 30-36.
14. Zvarykina I.S. K voprosu o sootnoshenii dialektnogo i regional'nogo v russkom yazyke (na primere leksiki Astrahanskogo kraya) // Gumanitarnye issledovaniya. – 2013. – №2 (46). – S. 30-36.
15. Enciklopediya Belgorodskoj oblasti [EHlektronnyj resurs] : sajt. — [Belgorod], 2015. Rezhim dostupa: http://belgorie.info/istoriya_belgorodskoy_oblasti. (data obrashcheniya: 29.12.2016).
16. Fyodorova M.V. Kontaktnye i konstativnye otkonimy Belgorodskoj oblasti // Ocherki po istoricheskoy leksikologii. – Belgorod, 1996. – S.62-69.
17. Kuzyulev N.N. Pesni nashego kraya: Lingvofol'klornaya hrestomatiya / Pod obshchej redakciej doktora filologicheskikh nauk S.A. Kosharnoj. – Belgorod: Izd-vo BelGU, 2005. – 180 s.
18. Sudakov G.V. Istoriya russkogo slova. – Vologda, 2010. – 334 s.
19. Cheremisina E.V. «O regiolekte v sovremennom yazykoznanii» // Perspektivy razvitiya sovremennykh gumanitarnykh nauk. Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2015.–S.45-49.